

© 2004 г.

А.В. СКИПЕРСКИХ

ОБРАЗ "МЕДВЕДЯ": ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛЕГИТИМИЗАЦИИ

СКИПЕРСКИХ Александр Владимирович - кандидат политических наук, старший преподаватель Елецкого государственного университета.

Победа на президентских выборах В. Путина в марте 2000 г. во многом оказалась следствием неожиданного успеха избирательного блока «Межрегиональное движение "Единство" (Медведь)», созданного в сентябре 1999 г., за три месяца до парламентских выборов. Тогда "Медведь" набрал 23,3% голосов российских избирателей, совсем немного проиграв КПРФ. Набрал уверенно, обменяв полученные голоса на 73 депутатских мандата, став второй после КПРФ по численности депутатской фракцией в Государственной Думе. Причем, вопреки прогнозам известных политтехнологов. Суть их сводилась к одному: "Медведь" перешагнет барьер 5% и попадет в Госдуму, причем "верхний" порог процента электорального предпочтения "Медведю" отводился в пределах 10%. На вопрос политического обозревателя "Независимой газеты" С. Шаповала: "Как бы вы могли охарактеризовать идею и механизм создания блока "Медведь"?", В. Никонов (президент фонда "Политика"), А. Рябов (эксперт фонда Карнеги), А. Федоров (директор Фонда политических исследований) предлагали свои объяснения, которые в обобщенном виде можно представить так: "Медведь" - это скороспелая коалиция, принявшая попытку вторжения в политику без традиции, ввиду отсутствия внятной конкуренции среди политических партий. У "Медведя" отсутствует какая-либо конструктивная идеология и политическая программа [1].

В 2001 г. произошло слияние "Отечества", "Всей России" и "Единства" в единую фракцию, в которой объединились 153 депутата Госдумы. Объединение произошло под эгидой "Единой

России", на эмблеме которой - бурый медведь. В 2003 г. "Единую Россию" поддерживали 134 мэра российских городов, расположенных в различных субъектах РФ, 1200 депутатов Законодательных Собраний Субъектов РФ, не говоря уже о поддержке самих глав субъектов, начиная от Краснодарского края и заканчивая Кемеровской областью. В. Путина, всего лишь за один год стремительно ворвавшегося в большую политику в ельцинской России, стали сравнивать с такими царственными зверями, как лев или медведь. Реакция общества на нового президента свидетельствует о традиционно-инерционном мышлении россиян, привыкших рассчитывать на доброго, но сильного батюшку-царя, хозяина, который ответит беду и поможет всем [2].

Было бы логично увидеть причины роста доверия к "Медведю" президентскими симпатиями, попытками институционализации национальной идеи в период неопределенности внутриполитических и внешнеполитических стратегий, оформлением реального, сильного лидера центристских сил, телевизионной популяризацией С. Шойгу и Б. Грызлова. Но есть еще одна причина, которая во многом, возможно, даже парадоксально вывела легитимационный рейтинг "Медведя" на уровень в 23,3% голосов. Это сам образ, символ "медведя", достаточно противоречивый, феноменологически богатый, вследствие устойчивых ассоциаций прочно отсканированный в массовом сознании россиян, в известной степени предопределивший сумму электоральных предпочтений.

Так как воображение - способность творческая, оно гораздо меньше, чем мышление, подвержено дисциплине (логике, традиции). Значит, более уязвимо для воздействия извне [3]. Образ "медведя" на Западе устойчиво связывался всегда с русскими, неспроста на Олимпиаде в Москве в 1980 г. появился символ - добродушный мишка. Наша задача постараться прочувствовать вариативность феноменологии "медведя", предположить, как может этот образ раскрыть свое непростое содержание и политически легитимироваться в сознании россиян.

В переносном значении, употребляя разговорную речь, медведем обычно называют человека, чем-либо напоминающего это животное [4]. В одном из толкований В.И. Даля, медведь - залежавшийся товар, не идущий с рук у купцов [5]. В русском жаргоне медведем называют сейф, медвежатником - взломщика сейфов. Есть еще одно значение, согласно которому так называют биржевого маклера, играющего на понижение [6]. Вообще слово "медведь" (medved - "поедатель меда") представляет собой табуистическую замену исчезнувшего индоевропейского *rkpos [7].

Перечисленные выше источники только подтверждают неоднозначность раскодирования символа "медведь". Это предположение усиливается разнообразием различных фразеологических конструкций, связанных с указанием на "медведя". Фразеологические сращения "медвежья шкура", "медвежья услуга", "медвежий угол" могут истолковываться как нечто объемное, имеющее протяженную структуру. Несомненно, с учетом политической направленности символа толкование замысла в выборе символа "медведь" не совсем очевидно. Если он и есть, то, скорее, виртуальный - нечто существующее, но реально неландшафтное. Существующее выражение "делить шкуру неубитого медведя", т.е. планировать что-то наперед, подтверждает политическую неопределенность во времени. Также своеобразный подвох присутствует и во фразеологических сращениях "медвежья услуга" (нечто изначально благонамеренное, но затем играющее на разрушение), "медвежий угол" (сначала, вроде, недалеко, затем - неизвестно где).

В политической легитимации образа "медведя" существует еще один важный аспект. Это идентификация смыслового содержания образа как играющей составляющей, истоки которой нужно искать глубоко в истории России. С учеными медведями ходили по России с незапамятных времен. Медвежья потеха несколько раз упоминается в "Домострое", осуждающем ее как одно из "бесовских угодий", "богомерзких дел", а также в постановлениях и указах 1640-х годов, направленных против всех видов народных развлечений, особенно игрового, массового характера [8]. Массовое сознание прочно ассоциировало медведя как хозяина леса с настоящими хозяевами жизни. Неудивительно, что порой подобные зрелища запрещались во многом из-за их проекций на внутриполитическую жизнь, особенно когда вожак позволял себе говорить о запрещенных вещах вслух и недозволенным тоном. Примеры фольклор брал из реальной жизни, и почти всегда они политически окрашивались, приобретая различную степень общественной угрозы - от безобидных вещей вплоть до едкого, злого высмеивания солдатской муштры, сатирического изображения обычаев крепостного права (как барыня оброк собирает, барин "ухаживает" за крепостными девками, бабы на барщину и с барщины хо-

дят), поведения тех, кто живет крестьянским, народным трудом (помещики, купцы, попы) [там же].

Велико внимание к "медведю" и в русской классической литературе. Достаточно вспомнить "забавы" Кирилла Петровича Троекурова в "Дубровском" А.С.Пушкина, "Генерала Топтыгина" Н.А. Некрасова, гусарские кутежи, описанные в романе Л.Н. Толстого "Война и мир". В данных произведениях возможность того или иного героя манипулировать, руководить "медведем", диктовать ему условия является принадлежностью к определенной общественной страте, несомненно высокой в иерархизированном обществе. "Медведя", участвующего в "барских забавах", всегда жалко. В такие моменты массовое сознание способно проводить параллели со своим положением, что, в свою очередь, актуализирует политическую злободневность "медвежьих причуд" сильных мира сего.

"Медведь" - частый персонаж русских сказок. Если принять во внимание нераскодированность образа "медведя", то естественным становится затруднение в понимании его смысла - "кто" и "что" скрывается в нем. Как правило, самые стабильные ассоциативные ряды связывают "медведя" и русский национальный характер, хотя, несомненно, может существовать и другая связь. "В сознании любого человека, знакомого со сказками, медведь - зверь высшего ранга. Он самый сильный лесной зверь. Когда в сказках один зверь сменяет другого, медведь находится в положении самого сильного. Надо думать, что это положение медведя в звериной иерархии по-своему объясняется связью с теми традиционными досказочными мифологическими преданиями, в которых медведь занимал самое важное место хозяина лесных угодий. Возможно, с течением времени в медведе стали видеть воплощение государя, владыки округа. В сказках постоянно подчеркивалась огромная сила медведя. Он давит все, что попадает ему под ноги" [9].

Сюжетная линия русских сказок, в которых присутствует "медведь", почти всегда подтверждает уважительное отношение к медведю как к обладателю силы. Порой грубой и проявляющейся неожиданно. «Пахал мужик ниву, пришел к нему медведь и говорит ему: "Мужик, я тебя сломаю!» [10]. "Старик пошел по дрова; попал ему навстречу медведь и сказывает: Старик, давай бороться" [там же, с. 40]. В этом смысле политическая легитимация "образа" достаточно актуализировалась, ввиду присутствия в "первой тройке" федерального списка "Единства" неоднократного олимпийского чемпиона по греко-римской борьбе А. Карелина.

Массовое сознание способно признать в образе "медведя" и определенного политического лидера, управляемого волей других участников политической игры, скажем "лисы", которая в русских сказках иногда использует "энергию" медведя для достижения своих целей [10, с. 18]. Часто в русских сказках "медведь" олицетворяет глупость, некомпетентность. Он часто соглашается, скорее бессознательно реагируя на чью-либо инициативу [10, с. 24].

"Способность к оборотничеству, превращению в медведя приписывалась и колдунам (у печорских коми и в ряде других традиций). Медвежьи маски и костюмы соотносятся с обширным кругом ритуалов, связанных с ряжением человека под медведя и уже утративших непосредственную связь с охотой. Имеются также многочисленные данные об участии медведей в обрядах более формального характера, главная функция сводилась к репрезентации царского величия" [11, с. 129]. Русские суеверия определяют "медведя" как одну из форм обращения.

Русская православная традиция "расколдовывает" миф о медвежьей ярости, отдавая представителю сонма канонизированных - Серафиму Саровскому прерогативу тихого "укрощения" путем фокусирования на "медведе" благодатной энергии. Здесь - непосредственное оформление традиции - "хозяин" на понятном языке общается с олицетворением церкви, получая из старца пищу. "Хозяин" леса, царь, монарх, организованный созидательными возможностями живого, универсального Слова. Славяне легитимировали медведя как логическое животное, что также позволяет версифицировать содержательную составляющую "образа" медведя. Массовое сознание часто ассоциировало медведя с лешим, а через него и с главнейшим представителем славянского языческого пантеона - "скотьем богом" Велесом.

Несомненно, первое, что вызывает образ "медведя" - страх. Допустима тревога, обусловленная феноменологической противоречивостью толкования "образа" медведя как такового. "Язык" намерений "медведя" практически не подлежит раскодированию. Развитие мотивации "медведя" не управляется, разве что может проследиваться вполне логичная зависимость от природных циклов. Иногда функциональные и "интеллектуальные" способности "медведя" современные политические технологии предлагают расшифровывать практически буквально.

Ноябрь 2003 г., накануне парламентских выборов в России, "медведь" неожиданно уходит в спячку, официально отказавшись от теледебатов. Предпочтя "реальное" дело - пережить зиму в теплой неизвестной берлоге, подвернув под себя питательные лапы и к весне проснуться, ровно к марту. И сегодняшнее думское большинство единоросов, и триумф Путина 2004 г., может быть, неявно, но помечены символом медведя.

С точки зрения мастеров политтехнологии, данный ход снова может истолковываться неоднозначно. Скажем, существует ли феноменологически у "медведя" ресурс уже своей легитимации в бесконечных повторяющихся сюжетах, оформленных фольклорной мудростью? Может ли он обмануть лису, зайчика, быка, мужика? Были ли случаи, когда ему удавалось полноценно репрезентировать определенный запрос и сохранить репутацию гибкого "политика"? Технология уклонительства от дебатов не такая уж и очевидная. В этом смысле раскрывается еще один очень важный вариант "образа", связанный с тайной. "Медведю" приписывается нечто, что не проявляет себя сразу. Существует красивая легенда, признающая сакральность образа "медведя", и в период неопределенности, безыдейности конструирующая красивую наррацию. Это легенда о "...медведице, вымазывающей новорожденного медвежонка и тем самым якобы придающей ему окончательную форму, как символ искусства, которое формирует и гармонизирует косную природу" [12, с. 130].

"Образ" медведя - случай сновидения. "Если молодой женщине снится медведь, то это к сопернице" [12]. Классический пример - сон Татьяны Лариной в романе "Евгений Онегин" и явление медведя в нем - и как следствие то, что случилось потом. "Но вдруг сугроб зашевелился, и кто ж из-под него явился? Большой взъерошенный медведь" [13]. Во время тяжелых общественных кризисов у многих развивается воображение типа "сны наяву", и это может стать массовым явлением.

Становление новой государственности в России в настоящее время происходит под своеобразным контролем "медведя", выбранного в качестве символа рядом российских городов - центров субъектов РФ (Новгород, Пермь, Ярославль), хотя считается, что существует достаточно устойчивое толкование геральдического знака "медведя". "В геральдике медведь за то, что предвидит погоду, умеет вовремя спрятаться в логовище, считается символом предусмотрительности" [14].

Таким образом, прослеживается феноменологическая противоречивость политической легитимации "образа" медведя. Политическая технология манипулятора посылает массовому сознанию "сверхзакодированный" сигнал. Какие конкретно образы будут разбужены этим сигналом, предположить практически невозможно, учитывая многочисленность вариантов раскодирования. Кто-то вспомнит картину И. Шишкина "Утро в сосновом бору", а кто-то пионерскую доступность конфет "Мишка косолапый". В этом и состоит искусство манипулирования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Независимая газета. 1999. 08.12.
2. *Столяров М.В.* Федерализм и державность: российский вариант. М., 2001. С. 172.
3. *Кара-Мурза С.* Манипуляция сознанием. М., 2002. С. 182.
4. *Словарь современного русского литературного языка.* М.-Л., 1957. С. 754-755.
5. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1981. С. 311.
6. *Большой словарь русского жаргона.* СПб., 2000. С. 344.
7. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. 1986. С. 589.
8. *Некрылова А.Ф.* Русские народные городские праздники, увеселения и зрелища. Конец XVIII - начало XX в. Л., 1988. С. 40.
9. *Аникин В.П.* Русская народная сказка. М., 1977. С. 68.
10. *Афанасьев А.Н.* Народные русские сказки. М., 1979. С. 22.
11. *Мифы народов мира.* Т. 2. М., 1997. С. 128.
12. *Миллер Г.* Сонник. М., 1998. С. 177.
13. *Пушкин А.С.* Собрание сочинений. Т. 4. М., 1981. С. 88.
14. *Шейнина Е.Я.* Энциклопедия символов. М., 2002. С. 98.